

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-191-202
УДК 93+101

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОДХОДЫ И РЕШЕНИЯ¹

Оксана Владимировна ГОЛОВАШИНА¹⁾, Андрей Александрович ЛИНЧЕНКО^{2,3)},
Даниил Александрович АНИКИН⁴⁾

¹⁾ ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

²⁾ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский просп., 49

³⁾ ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»
398055, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Московская, 30

⁴⁾ ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»
410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Аннотация. Актуальность определяется динамическим характером современных социальных процессов, необходимостью разработки новых методов исследования мобильностей, трансферов, постоянных изменений стабильных прежде аспектов социальной реальности. Проанализировано, насколько существующий методологический аппарат авторитетных социальных теорий подходит для исследования культурной памяти в современных условиях. Для решения этой задачи были проанализированы некоторые методологические подходы и теории: взгляды Д. Урри, Д. Олика, А. Ассман, Ф. Артога, Г. Люббе, а также акторно-сетевая теория, деятельностный подход. Был обоснован междисциплинарный характер исследований культурной памяти, следствием которого является необходимость синтеза современных подходов различных гуманитарных и социальных наук, способных на построение динамичной картины прошлого. Показана актуальность проблемы соответствия существующего терминологического аппарата современных гуманитарных и социальных наук потребностям описания и осмысления динамичной картины мира. Доказано, что наиболее соответствующими задачам исследования динамического характера культурной памяти являются акторно-сетевая и деятельностный подходы, так как они позволяют учитывать влияние на содержание образов прошлого не только людей, но и различных материальных и нематериальных акторов, а также апробировать объяснительную модель функционирования культурной памяти в условиях различных вызовов (например, интенсификация миграционных потоков).

Ключевые слова: культурная память; акторно-сетевая теория; деятельностный подход; мобильности; трансферы

Динамичность как определяющая характеристика современного мира проявляется как в форме, так и в содержании социальной динамики. В этой связи достаточно оправданными выглядят попытки построения в работах современного британского исследователя Д. Урри новой «онтологии» социальной реальности, понятой им как онтология социальных мобильностей. Более того, нарастание интенсивности социокультурных обменов, связанных в первую очередь с глобальными миграционными процессами, создает принципиально новые условия и конфигурацию социального пространства, важ-

нейшими атрибутами которого оказываются мобильности, трансферы и трансформационные процессы. В этой связи неизбежны существенные изменения в самой онтологии культурной памяти. Речь идет о трансформациях ее содержания, структуры, иерархии и конфигурации составных частей и элементов, смысловых полей, границ культурной памяти локальных групп. В результате чего сочетание разных образов мышления и поведения, различных коммеморативных практик становится не только условием сосуществования различных социокультурных общностей, но и может создавать потенциально конфликтогенные зоны. Особое значение эта проблема приобретает в условиях тех обществ, где достигнут определенный консенсус относительно общего прошлого и выра-

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149).

ботаны коммеморативные практики, основанные на разделении базовых ценностей исторического сознания. Фрагментация и десегментация культурной памяти вследствие нарастания внешних и внутренних миграционных потоков создают риски нарушения общественного консенсуса и делают необходимой выработку конкретных стратегий взаимодействия различных типов культурной памяти.

Вместе с тем реакцией современных исследователей на подобную ситуацию стало многократное увеличение различных методов и подходов изучения культурной памяти, реализованных, как правило, в рамках отдельных case-studies. Признавая положительное значение подобного плюрализма, согласимся с мнением зарубежных исследователей, утверждающих, что «исследования социальной памяти являются непарадигматическими, трансдисциплинарными инициативами, лишенными центра» [1, p. 105]. Самостоятельной проблемой при этом становится динамика культурной памяти, исследования которой предпринимаются сегодня в перспективе междисциплинарных работ и рассматриваются зарубежными учеными исключительно как интернациональный и интердисциплинарный проект [2, p. 1]. В этой связи оказывается актуальной проблема соответствия современного терминологического аппарата гуманитарных и общественных наук потребностям дальнейшего развития исследований памяти и исторического сознания.

Динамическое прошлое: опыт современных исследований. О кризисе современной культуры написано более чем достаточно. Вместе с тем насколько глубокими и масштабными являются трансформации культурной памяти в современном мире? В данном случае для нас важны исследования А. Ассман, Г. Люббе, Д. Лоуэнтала и Ф. Артога. Оставляя в стороне подробное описание их исследовательских проектов, сконцентрируемся на диагностике ими современных форм отношения к прошлому.

«Век расшатался – и скверней всего, что я рожден восстановить его!» – эти слова шекспировского Гамлета являются одними из наиболее цитируемых в среде современных немецких авторов, пишущих об историческом сознании. Однако можно ли рассматривать их исключительно пессимистически?

Подводя итог многолетним дискуссиям в области интерпретации современной темпоральной ситуации, А. Ассман указывает нам на проявляющийся факт разрыва связи всех модусов времени: прошлого, настоящего и будущего. Темпоральный режим модерна разрушен, что связано с ростом влияния настоящего на будущее и прошлое. При этом она отмечает, что «разорванную связь прошлого, настоящего и будущего нельзя просто восстановить, их приходится связывать заново. Для этого необходимо заново определить содержание понятий «прошлое», «настоящее» и «будущее», что является задачей не отдельных специалистов по теории времени, а всего общества в целом» [3, с. 255]. А. Ассман обсуждает на страницах своей книги хорошо известное явление презентизма как нового режима историчности современной эпохи. И здесь она опирается на рассуждения Ф. Артога, который, характеризуя презентизм, писал о том, что современное общество делает предметом культа настоящее. Он стремится отличать формы презентизма в истории от его нынешнего варианта. Так, если для иудеохристианской традиции настоящее ценно как время, посвященное ожиданию Мессии, который может явиться в любую минуту, то современный презентизм представляет собой разочарование во всех иллюзиях и идеалах. С верой в революционную идею и социалистическое государство утрачивается вера в лучшее будущее. Абсолютную ценность приобретают только мимолетные ощущения, примеры которых Ф. Артог перечисляет в своей книге [4, p. 149]. Речь идет и о мироощущении безработного клошара, и психологии туриста, и о косметических средствах против старения, и, конечно, об интернет-технологиях. В этом отношении работа Ф. Артога перекликается с исследованием Д. Лоуэнтала, который предлагает нам еще одно толкование презентизма. Основным тезисом книги Д. Лоуэнтала является детальное подтверждение того факта, что современная культура занимается апроприацией «прошлого», превращая его в сберегаемое и адаптируемое к современным нуждам «наследие». В его интерпретации наследование оказывается «вторичным окультуриванием», формой его реинтеграции в современный социальный контекст. Прошлое для автора – «чужая

страна», но как «наследие» – оно оказывается «вполне знакомым и привычным» [5, с. 7].

Эти же идеи озвучивает Г. Люббе, который проводит впечатляющую диагностику современной исторической культуры и показывает различные формы проявления презентизма в ней. Различные формы проявления презентизма он сводит к семи основным понятиям. Первое из них – «прецепция» – предвосхищающее представление современников о том, что будет интересовать будущие поколения в их собственной истории, и отражающееся в соответствующих практиках подобного предвосхищения. Второе – «сокращение настоящего». Если ранее «настоящее как отрезок времени, отмеченный постоянством важных культурно-исторических элементов, распространялось более чем на полтора тысячелетия. Пространство опыта было очень обширным, и горизонт будущего соответствовал ему по ширине и содержанию», то «в динамической цивилизации растет множество ее элементов, еще принадлежащих настоящему и все же твердо относимых ко вчерашнему или позавчерашнему дню» [6, с. 96]. Третье понятие – «экспансия будущего». Имеется в виду, что в ситуации резкого сокращения настоящего будущее наступает все быстрее, однако оказывается все менее предсказуемым, порождая потребность в постоянном контроле за рабочим временем, равно как и временем отдыха и досуга. Четвертое понятие – «рост множества реликтов» – возрастание числа социокультурных элементов, которые вследствие интенсификации изменений теряют свои первоначальные функции и становятся частью музейного наследия: «цивилизационная динамика сопровождается прогрессирующей музейфикацией нашей цивилизации» [6, с. 96]. Пятое понятие в словаре Г. Люббе – «эволюционная илламинарность». Оно указывает на невозможность понимания однонаправленного движения исторического процесса, призывает учитывать тот факт, что с динамикой цивилизации модерна увеличивается ее разнонаправленность. Еще одно, шестое понятие, это – «сетевая концентрация». Оно описывает факт увеличивающейся социальной и экономической взаимозависимости отдельных индивидуумов, регионов и институций. Однако порождаемое этим фактом явление культурной экстерриториальной гомогениза-

ции в отношении доступа к товарам и информации вызывает стремление к консервации и актуализации особенностей локальных элементов и их версий прошлого. И, наконец, немецкий исследователь пишет про «эмпирическую апокалиптику» – современную форму ожидания конца света, основанную на научно-фундированных прогнозах последствий ядерной войны, изменений климата и пр. В нашей «динамической цивилизации» спрогнозировать будущее оказывается все труднее, а оно само служит источником рисков, тревожных ожиданий.

Динамика культурной памяти: от социальных рамок к медиумам воспоминаний. Определение современной цивилизации как динамической не могло не сказаться на трансформации исследовательских интересов *memory studies*. Как мы уже отмечали, основной исследовательский интерес сегодня переключается на изучение различных форм динамики культурной памяти, ее гетерогенности, подвижных границ между локальными культурами воспоминания, несводимости их способов воспоминания и забвения. Пионером в этой области может считаться Ю.М. Лотман [7], который, анализируя в своих работах вопросы динамики культуры, по сути, реализовал семиотический подход к пониманию динамики культурной памяти. С семиотической точки зрения, культура представляет собой надындивидуальный механизм хранения, передачи и выработки новых сообщений (текстов), то есть коллективную память. Механизм сохранения, отбора и передачи культурной информации Ю.М. Лотман описывал с помощью выделения информативной и креативной (творческой) памяти. Если информативная память принадлежит настоящему, постоянно стирая прошлую информацию как неактуальную, то творческая память актуализирует всю «толщу» культуры, реактивируя прошлое, выводя на передний план тексты прошлых эпох.

Современные исследователи не претендуют на широкий охват проблемы динамики культурной памяти, акцентируя внимание на отдельных областях исследования данной проблемы. В качестве примера можно привести исследование И. Ирвин-Зарецки, которая, анализируя динамику коллективной памяти, рассматривает ее в фокусе различных форм активности по отношению к прошлому.

Динамика коллективной памяти для нее – это реконфигурация нашего интереса к прошлому и его темам. На страницах своей книги она фокусируется на динамике памяти и забывания, персонального исторического опыта и коллективных воспоминаний как наиболее общих точек, формирующих динамический характер коллективной памяти. Особую роль для нее играют социальные рамки памяти, подвижность границ которых является внутренним источником ее трансформации. Еще одной причиной динамики коллективной памяти оказываются конфликты, возникающие вследствие пересечения границ памяти различных сообществ и медиумов [8, р. 76].

Таким образом, внимание современных зарубежных исследователей приковано преимущественно к проблемам социального контекста и медиумов культурной памяти. Одним из наиболее известных вариантов реляционного подхода к социальной памяти является методология анализа памяти Д. Олика, который предлагает рассматривать коллективную память не как устоявшийся теоретический конструкт, а как некую совокупность различных социальных форм, пространств и практик – от обычных воспоминаний до общих форм поддержания образца. Память для него – это социальная деятельность, процесс, а не статичный объект. В одной из наиболее значимых своих работ Д. Олик в соавторстве с Д. Хлевнюк выделяет следующие методологические трудности, характерные для большинства исследователей памяти: представление о единстве коллективной памяти, представление о том, что коллективная память отражает прошлое само по себе, представление о коллективной памяти как о вещи и представление о коллективной памяти как об объекте, отделенном от других явлений культуры [9, с. 44]. Он пишет: «целью исследования коллективной памяти должно быть понимание фигураций памяти, то есть меняющихся отношений между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы. Не стоит измерять коллективную память как зависимую или независимую переменную, определяемое или неопределяемое явление. Концептуализация памяти через явления и места упускает из виду динамику и относительность процесса воспоминания, тогда как фигурации, напротив,

их сохраняют и привлекают внимание к процессам структуризации и практикам» [9, с. 44].

Сохраняя общий тренд на процессуальное понимание культурной памяти, А. Эрл и А. Ригни предложили другую исследовательскую стратегию. По их мысли, «динамика культурной памяти только тогда может быть полностью понятной, если мы будем принимать во внимание не просто значение социальных факторов, но также «медиаальные» рамки воспоминания и специфические медиаальные процессы, через которые воспоминания входят в публичную сферу и становятся коллективными» [2, р. 2]. Однако «медиа» для них – это не набор дискретных и статичных технологий передачи информации, а «комплекс и динамическая система».

Динамика воспоминаний, их реинтерпретация в различных медиумах оказывается ключевой для современных исследований культурной памяти. Зарубежные авторы говорят как о медиации (mediation), так и о ремедиации (remediation), замечая, что «как нет культурной памяти до медиации, так и нет медиации без ремедиации: все репрезентации прошлого используют доступные медиатехнологии, существующие медиапродукты, паттерны репрезентации и эстетику медиа» [2, р. 4]. Суммируя различные толкования «ремедиации», они указывают на то, что это процесс стирания предыдущих медиа в акте их умножения (multiplying media) и таким образом напоминания наблюдателю о наличии самого «опыта медиа».

Современная философия истории и социальная философия: актуализация антропологического контекста. Как мы постарались показать, ключевые зарубежные исследовательские векторы изучения проблемы динамики культурной памяти ориентированы на успехи отдельных социально-гуманитарных наук. Данная ситуация представляется не случайной вследствие тех радикальных трансформаций, которые испытала философия истории и социальная философия в минувшем столетии. С одной стороны, мыслители давно уже отказались от поиска метафизических оснований и критически воспринимают всякую онтологическую (или субстантивную) философию истории. С другой стороны, философия истории в XXI веке существенно расширила круг своих интересов. Традиционные вопросы аналитиче-

ской, герменевтической и нарративной философии истории на Западе оказались дополнены темами политического присвоения прошлого, проблематикой исторических коммемораций, медийным историческим дискурсом, изучением проблем коллективной памяти и идентичности, национальных образов времени, этического измерения истории. По мысли Ю.А. Кимелева, «в настоящее время философия истории предстает как собрание отчасти независимых друг от друга, отчасти пересекающихся постановок вопросов, проблем, подходов, а также связанных с ними философских концептуализаций» [10, с. 91]. Стоит обратить внимание, что в литературе предпринимаются попытки «реабилитации философии истории», понятой как этическая установка относительно хода и содержания исторического процесса (Г.К. Ролдán) [11], как набор различных метатеорий, только несколько из которых подверглись существенной критике (Г. Нагл-Досекал) [12], как «философия истории среднего масштаба», сопоставимая с философией техники (Й. Робек) [13].

Становится очевидно, что дальнейшее развитие философии истории связано с анализом ее теоретических предпосылок. Ю.В. Перов полагал, что современная философия истории вряд ли будет монистичной. Обсуждая некие «метафизические» предпосылки современной философии истории, петербургский исследователь указывал на три фундаментальных аспекта: идею «универсальной историчности», трактовку «бытия-как-истории» и понимание истории как самоинтерпретирующейся реальности [14, с. 81]. По его мысли, идея универсальной историчности есть, прежде всего, признание в европейской философской мысли истории как абсолюта, как абсолютной полноты бытия. История в этой связи получает статус всеобъемлющей реальности, поскольку вне истории и над ней ничего другого быть не может. Универсальная историчность – это признание истории как той среды, в которой разворачивается единство сущего.

Идея универсальной историчности в трактовке Ю.В. Перова может быть отнесена только к сфере «бытийного ряда», что открывает нам доступ к другому понятию «бытия-как-истории». Он предлагает нам различать «бытие истории» (или «историческое

бытие») и «историческое сущее». Историческое сущее – это «все, что существует и происходит в истории: исторические обстоятельства и процессы, «факты» и события, люди, их поступки, объективации, культурные формы и социальные связи – все возникающее и исчезающее, конечное, преходящее» [14, с. 19]. Историческое бытие – это то, в чем это историческое сущее есть необходимое условие самой возможности существования всякого исторического сущего. Историчность в таком случае есть понятие, отсылающее больше к историческому бытию, чем к историческому сущему, поскольку она характеризует способ существования исторического сущего, способность быть историческим. Признание бытийной самостоятельности истории и идея универсальной историчности создают предпосылки для постижения исторической жизни в качестве самоистолковывающейся и самоинтерпретирующейся реальности. По мысли Ю.В. Перова: «рассчитывать на обретение (хотя бы в будущем) универсального и безусловного, окончательно постигнутого на веки смысла истории, оснований нет. Смысл истории... конструируется внутри истории ею самою, и сам историчен» [14, с. 79]. Он также писал, что «трактовка фундаментальной «историчности» человеческого существования в экзистенциальной традиции фиксировала, что человек не только в качестве «исторического деятеля», но и в повседневной жизни через «проект самого себя» и его осуществление (в терминах Ж.П. Сартра) всегда выходит за рамки наличной данности существования, «трансцендирует» в отношении своего наличного бытия в проектируемое будущее» [14, с. 77]. Таким образом, историческое сознание оказывается атрибутом исторической жизни, которая через мыслящего человека сама себя осмысляет. Как видно, доминирующий мотив современной философии истории является предельно антропологическим. Ключом к пониманию смысла истории оказывается сам человек, его состояния, развитие, духовная эволюция и перспективы.

Сходные тенденции мы наблюдаем и в современной социальной философии, где на первый план выходят вопросы практического взаимодействия с окружающим миром, а также вопросы антропологии. В качестве наиболее яркого примера можно было бы

указать на работы П. Бурдьё, которые хорошо известны российскому читателю. Еще один интересный пример – это активное распространение в зарубежной социальной философии и культурной психологии категории «формы жизни». В наиболее систематизированном виде данное понятие было обосновано в работах Р. Яегги (R. Jaeggi). По ее мнению, понятие «формы жизни» отсылает к культурно очерченному порядку человеческого со-существования, которое окружено как «ансамблем практик и ориентаций», так и их институциональными проявлениями и материализациями. Различия между формами жизни выражаются не только посредством различных верований, ценностей и отношений; они также проявляются и материализуются в моде, архитектуре, юридическим системам и организации семейной жизни. Она отмечает, что формы жизни – это формы, в которых мы живем, которые дают очертания нашей жизни, являясь частью объективной духовной сферы. Это то, посредством чего наша жизнь формируется [15, S. 21]. Габитус в этой связи оказывается частью подобной формы жизни, отражающей факт человеческой представленности в бытии во всех возможных ее способах и в первую очередь как стратегии решения наличных проблем. Однако формы жизни оказываются более динамическим понятием, чем понятие «культура».

Таким образом, антропологическая направленность современной социальной философии и философии истории явно коррелирует с «практическим» поворотом в социально-гуманитарных науках. Из перспективы «практического поворота» рассмотрим две методологические стратегии, которые могут быть эффективно использованы в рамках философского изучения культурной памяти. Речь идет об акторно-сетевой теории и деятельностном подходе как различных версиях философского конструктивизма.

Культурная память в фокусе акторно-сетевой теории. Акторно-сетевая теория (ANT) возникает во Франции в 80-е гг. XX века и представляет собой своеобразную модификацию конструктивизма. На современном этапе развития теория утратила изначальное методологическое единство и превратилась в совокупность отдельных исследовательских практик, по-разному тракту-

ющих ее исходные постулаты. Тем не менее, в рамках ANT можно выделить две доминирующих школы – Парижскую (Б. Латур, М. Каллон) и Ланкастерскую (Д. Ло). Первоначальные успехи ANT оказались тесно связаны с философией науки, но впоследствии ее наработки стали использоваться в анализе социальной действительности, в частности, при изучении религиозных феноменов и современных средств коммуникации [16, с. 5-6].

Показательно, что основоположник этой теории Б. Латур в процессе эволюции своих взглядов значительно сместил акценты исследования сетей от выявления совокупности статичных акторов к анализу стратегий их перемещений и создания новых сетевых конфигураций. Одна из его работ «Пересборка социального» даже в своем названии содержит указание на процессуальный характер разбираемых социальных феноменов.

Изучение культурной памяти в рамках ANT опирается на ряд постулатов этой теории, которые роднят ее с современными концепциями деятельности. Различие ANT и современных вариаций деятельностного подхода кроются не в онтологической плоскости, а скорее в антропологическом аспекте. Представители ANT предпочитают рассматривать социальную ситуацию как ансамбль взаимодействующих акторов, включенных в различные сетевые конфигурации. Фокус исследовательского анализа позволяет уловить различные конфигурации, в зависимости от которых и может быть выделен набор акторов, то есть сам набор активных элементов, которые могут влиять на восприятие прошлого, не является заранее определенным, а создается в сам момент настройки исследовательской оптики. Поэтому бесполезным будет выглядеть стремление определить набор акторов конструирования культурной памяти, для того чтобы применять данный набор для изучения всех ситуаций подобного конструирования – вне зависимости от пространственного и временного расположения.

ANT принципиально избегает соблазна создать всеобъемлющую теорию социального, предпочитая выделить лишь набор исследовательских процедур, которые должны применяться для анализа конкретной ситуации, именно поэтому ANT, в отличие от теории сетевого общества М. Кастельса, с которой ее часто роднят, представляет собой не

модель конкретного общественного устройства, а способ исследования различных социальных феноменов, в том числе возникших задолго до информационной революции и складывания и современных коммуникационных сетей.

Принципиально важным в применении данной теории к исследованию прошлого является понимание ее методологических истоков, от которых, кстати, ее основоположники пытаются предельно дистанцироваться. Сеть представляет собой способ пространственного видения определенного фрагмента социальной реальности, причем сам этот способ определен исследовательской задачей. Иначе говоря, совокупность акторов (в данном случае – влияющих на конструирование, восприятие и трансформацию исторического нарратива) рассматривается в качестве переплетающихся цепочек взаимодействий в силу изначальной установки исследования, а не потому что сеть подобных взаимодействий рефлексивируется самими акторами или присутствует в качестве онтологического основания действительности. В этом смысле на новом методологическом витке ANT продолжает осуществлять то пространственное видение социальности, которое было свойственно П. Бурдьё и П. Нора, а в еще более отдаленной перспективе – А. Лефевру.

При этом не стоит считать, что общество выступает лишь пассивным потребителем тех исторических образов, которые создаются различными политическими и культурными акторами. Оно само по себе предстает совокупностью различных коллективов, которые по-разному готовы реагировать на те или иные образы, диктуемые им властными акторами. В этом смысле культурная память представляет собой не определенный запас знаний, которым обладает общество в целом или какая-то его часть, а неустойчивый баланс предпочтений различных сообществ, диктуемый не только фундаментальными ценностными константами, но и ситуативными переменными. В отличие от физической лаборатории, явившейся для Б. Латюра моделью создания научного знания, модель производства исторического знания представляет собой гораздо более широкое и неопределенное пространство с размытыми границами, включающими в себя и дом гражданина с фотографиями предков на стенах,

и голливудскую студию, где снимается очередная историческая байопик, и кабинет чиновника, где принимается решение о праздновании той или иной памятной даты. Важность ANT в данном случае и заключается в выстраивании такой системы исследовательских координат, при которой будет аннигилирована исходная установка на активность политических или культурных акторов, а сам процесс порождения исторических смыслов предстанет в качестве непрерывного и непрекращающегося процесса поиска компромисса между политической целесообразностью, экономической рентабельностью, художественной эстетикой и бытовой комфортабельностью.

Культурная память и деятельностный подход. Не менее важную роль приобретает и другой подход, также основывающийся на конструктивистских позициях. Речь идет о широко распространенной в нашей стране культурно-исторической теории (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев), апробированной, в том числе, в рамках деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, В.А. Лекторский, В.С. Швырев). Особое место занимает в этой связи философская концептуализация культуры в работах Э.В. Ильенкова. В современных исследованиях (В.А. Лекторский, А.Д. Майданский) деятельностный подход и культурно-историческая теория давно уже рассматриваются как более широкая философия практики, не сводимая к советскому марксизму и соотносимая скорее с практическим поворотом современной философии.

Мы не будем подробно раскрывать значение и историю проблемы культурной памяти в ранних работах Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, поскольку такие исследования уже есть [17]. Вследствие ограниченного объема статьи мы намерено отвлекаемся от внутренних различий между культурно-исторической теорией и теориями деятельности в советской психологии. Определенный итог в этом смысле подвел Э.В. Ильенков, который писал, что «уметь видеть предмет по-человечески, значит уметь видеть его «глазами другого человека», глазами всех других людей, значит в самом акте непосредственного созерцания выступать в качестве полномочного представителя «человеческого рода» [18, с. 20]. Важнейший лейтмотив дея-

тельности – опосредование человека, создаваемой им же материальной и духовной культурой, самоизменение субъекта деятельности в процессе его взаимодействия с объектом. При этом В.А. Лекторский особо акцентирует внимание на том, что собственно деятельностный подход связан с реализацией именно идеи культурного опосредования, а не исследований действий единичного субъекта самого по себе. Но что дает это для современных исследований культурной памяти?

Во-первых, деятельностный подход акцентирует внимание на идее социально-культурного опосредования индивидуальной памяти, рассматривая ее в контексте социальных процессов и отношений. Культурная память с этой точки зрения – это всегда продукт совместной деятельности людей по воспроизводству и конструированию прошлого. Заметим, что данный аспект именно сейчас оказался в центре внимания исследователей культурной памяти за рубежом. Также заметим, что культурно-историческая теория Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева позволит увидеть ведущую роль социокультурных процессов как среды интеграции познавательных, ценностных и практических аспектов освоения прошлого в культурной памяти. В данном случае, для нас важен тот факт, что культура в теории деятельности берется *в целом* как среда, а не раскладывается на отдельные фрагментарные сегменты. Фокусируя исследовательскую оптику на отдельном медиуме (например, фотографии), мы рискуем не увидеть социокультурный фон значения данного медиума памяти. Именно культурно-историческая теория дала сегодня весьма эффективные результаты в исследовании автобиографической памяти и фотографии как медиума воспоминаний [19; 20].

Во-вторых, деятельностный подход позволяет говорить не о созерцательном, как в герменевтике и экзистенциализме, а об активном характере взаимоотношения субъекта культурной памяти с историческим опытом, артефактами и следами прошлого. В этом смысле акцент делается не только на среду, но именно на самого субъекта культурной памяти. При этом субъект оказывается сам внутри культурной памяти, а не вовне ее. Культурная память, равно как и рефлексивное историческое сознание общества оказываются вплетенными не только в непосред-

ственные коммеморативные практики, но и в повседневные практики труда, быта и досуга, где прошлое не всегда выступает как непосредственный предмет деятельности. В этой связи деятельностный подход можно трактовать как умеренную версию конструктивизма.

В-третьих, деятельностный подход с присущей ему тягой к телеологии, идее рациональности деятельности позволяет вернуть в качестве значимого предмета обсуждения проблематику единства рационального и иррационального в воспроизводстве прошлого. Несмотря на ситуативный характер коммеморативных практик, их сетевой характер взаимосвязи, сопротивление навязываемым официальным стратегиям прошлого (М. де Серто), деятельностный подход в анализе различных форм репрезентации прошлого апеллирует к историческому мышлению как к рефлексивной форме взаимоотношения с прошлым. В этой связи встает проблема личности как сознательного субъекта культурной памяти, которая не является неким безликим пространством коммеморативных процессов, а предполагает за собой конкретного человека, преследующего свои цели и имеющего определенные ценности.

Таким образом, можно констатировать следующие тенденции философской рефлексии по поводу динамики культурной памяти.

1. На понимание динамики культурной памяти в современных гуманитарных исследованиях наложило отпечаток дисциплинарное прошлое данного понятия. Поскольку культурная память (понимаемая в ракурсе «коллективной», «исторической» или «социальной») получила первоначально «прописку» в рамках определенных дисциплин, то ее последующая рефлексия также осуществлялась в определенных нормативных и категориальных рамках. Из этого проистекает основная проблема – концептуализация культурной памяти как неотъемлемой категории социальной динамики, позволяющей описать в русле постнеклассической парадигмы философствования многообразие и нелинейности взаимосвязей прошлого и настоящего.

2. Попытки объяснения динамики культурной памяти, предлагаемые современными гуманитариями, формулируются в рамках прикладных исследований и тесно связаны со спецификой конкретного предмета. Выявленные тенденции динамики перехода от

личной к культурной памяти, а также от культурной памяти к забвению носят не прогностический, а констатирующий характер, следовательно, обладают низким эвристическим эффектом в построении концепции культурной памяти. Для ее создания необходим синтез современных социально-философских подходов, уже несущих в себе потенциал построения динамичной картины прошлого.

3. В качестве методологического основания для создания целостной концепции динамики культурной памяти предлагается избрать акторно-сетевой и деятельностный подходы, поскольку их синтез позволяет, с одной стороны, учесть многообразие материальных и нематериальных акторов, взаимодействующих в процессе создания картины прошлого, а с другой – создать объяснительную модель их взаимодействия, определить телеологический характер конструирования культурной памяти, исходя из ценностей и потребностей современных сообществ.

Список литературы

1. *Olick J., Robbins J.* Social memory studies: from “Collective Memory” to the historical sociology of mnemonic practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 105-140.
2. *Erll A., Rigney A.* Introduction: cultural memory and its dynamics // *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory* / ed. by A. Erll, A. Rigney. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. P. 1-14.
3. *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
4. *Hartog F.* Regimes of Historicity. Presentism and Experiences of Time. N. Y.: Columbia University Press, 2015. 288 p.
5. *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 624 с.
6. *Люббе Г.* В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // *Вопросы философии*. 1994. № 4. С. 94-107.
7. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001. 704 с.
8. *Irwin-Zarecka I.* Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory. New Brunswick: Transaction, 1994. 214 p.
9. *Олик Д., Хлевнюк Д.* Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.
10. *Кимелев Ю.А.* Западная философия истории на рубеже XX–XXI вв.: аналитический обзор. М., 2009. 74 с.
11. *Roldan G.C.* Que queda de la filosofía de la historia de la illustration? // *La comprensión del pasado. Escritos sobre filosofía de la historia / compilado por M. Cruz, D. Brauer.* Barcelona: Herder, 2005. P. 187-216.
12. *Nagl-Dosekal H.* Ist Geschichtsphilosophie heute noch möglich? // *Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / hrsg. von H. Nagl-Dosekal.* Frankfurt a/M: Fisher, 1996. S. 7-63.
13. *Rohbeck J.* Technik – Kultur – Geschichte. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1987. 283 S.
14. *Перов Ю.В.* Историчность и историческая реальность. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. 272 с.
15. *Jaeggi R.* Kritik von Lebensformen. Berlin: Suhrkamp, 2014. 451 S.
16. *Писарев А., Астахов С., Гавриленко С.* Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // *Философско-литературный журнал Логос*. 2017. № 1 (116). С. 1-40.
17. *Bakhurst D.* Social memory in Soviet thought // *Collective Remembering* / ed. by D. Middleton, D. Edwards. L.: SAGE Publications, 1990. P. 203-227.
18. *Ильенков Э.В.* Об эстетической природе фантазии. М.: Кн. дом «Либроком», 2014. 128 с.
19. *Нуркова В.В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Университета РАО, 2000. 315 с.
20. *Нуркова В.В.* Зеркало с памятью. Культурный феномен фотографии. М.: РГГУ, 2006. 287 с.

Поступила в редакцию 12.03.2018 г.

Отрецензирована 12.04.2018 г.

Принята в печать 16.05.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Головашина Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры информатики, математики и общегуманитарных наук. Финансовый университет при Правительстве РФ (Липецкий филиал), г. Липецк, Российская Федерация; доцент кафедры философии, Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Российская Федерация. E-mail: linchenko1@mail.ru

Аникин Даниил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии. Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация. E-mail: dandee@list.ru

Для корреспонденции: Головашина О.В., e-mail: ovgolovashina@mail.ru

Для цитирования

Головашина О.В., Линченко А.А., Аникин Д.А. Динамика культурной памяти как предмет исследования: подходы и решения // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 174. С. 191-202. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-191-202.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-191-202

CULTURE MEMORY DYNAMICS AS A RESEARCH SUBJECT: APPROACHES AND SOLUTIONS

**Oksana Vladimirovna GOLOVASHINA¹⁾, Andrey Aleksandrovich LINCENKO^{2,3)},
Danil Aleksandrovich ANIKIN⁴⁾**

¹⁾ Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

²⁾ Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradskiy Ave., Moscow 125993, Russian Federation

³⁾ Lipetsk State Technical University
30 Moskovskaya St., Lipetsk 398055, Russian Federation

⁴⁾ Saratov State University
83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russian Federation
E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Abstract. The relevance is determined by the dynamic nature of modern social processes, the necessity to develop new methods of mobility, transfers, permanent changes of stable aspects of social reality studying. We analyze the extent to which the existing methodological and logical apparatus of authoritative social theories is suitable for the study of cultural memory in modern conditions. To solve this problem we analyze some methodological approaches and theories: the views of J. Urry, J. Olick, A. Assmann, F. Hartog, H. Lubbe, as well as actor-network theory, activity approach. The interdisciplinary nature of cultural memory studies has been substantiated, the consequence of which is the necessity for the synthesis of modern approaches of various humanities and social sciences capable of building a dynamic picture of the past. The relevance of the problem of matching the existing terminological vocabulary of modern humanities and social sciences to the needs of describing and understanding the dynamic picture of the world. It is proved that the most relevant tasks of the dynamic nature of cultural memory study are actor-network and activity approaches, as they allow to take into account the impact on the content of images of the past made by not only people, but also various material and non-material actors, as well as to test the explanatory model of the functioning of the culture memory in the conditions of various challenges (for example, the intensification of migration flows).

Keywords: cultural memory, actor-network theory, activity approach, mobility, transfers

Reference

1. Olick J., Robbins J. Social memory studies: from “Collective Memory” to the historical sociology of mnemonic practices. *Annual Review of Sociology*, 1998, vol. 24, pp. 105-140.
2. Erll A., Rigney A. Introduction: cultural memory and its dynamics. In: Erll A., Rigney A. (eds.). *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 2009, pp. 1-14.
3. Assman A. *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Broken Bond of Times? Rise and Fall of Temporal Mode of Modernity]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017, 272 p. (In Russian).
4. Hartog F. *Regimes of Historicity. Presentism and Experiences of Time*. New York, Columbia University Press, 2015, 288 p.
5. Louental D. *Proshloe – chuzhaya strana* [The Past is a Foreign Country]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2004, 624 p. (In Russian).
6. Lubbe H. V nogu so vremenem. O sokrashchenii nashego prebyvaniya v nastoyashchem [In step with the Time. About reduction of our stay in the present]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 1994, no. 4, pp. 94-107. (In Russian).
7. Lotman Y.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2001, 704 p. (In Russian).
8. Irwin-Zarecka I. *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick, Transaction, 1994, 214 p.
9. Olik D., Khlevnyuk D. Figuratsii pamyati: protsessno-relyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case]. *Sociologicheskoe obozrenie – Sociological Review*, 2012, vol. 11, no. 1, pp. 40-74. (In Russian).
10. Kimelev Y.A. *Zapadnaya filosofiya istorii na rubezhe XX–XXI vv.: analiticheskiy obzor* [Western Philosophy of History at the Turn of the 20th–21st Centuries: Analytical Review]. Moscow, 2009, 74 p. (In Russian).
11. Roldan G.C. Que queda de la filosofía de la historia de la ilustración? In: Cruz M., Brauer D. (compilers). *La comprensión del pasado. Escritos sobre filosofía de la historia*. Barcelona, Herder Publ., 2005, pp. 187-216. (In Spanish).
12. Nagl-Dosekal H. Ist Geschichtsphilosophie heute noch möglich? In: Nagl-Dosekal H. (ed). *Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten*. Frankfurt am Main, Fisher Publ., 1996, pp. 7-63. (In German).
13. Rohbeck J. *Technik – Kultur – Geschichte*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1987, 283 p. (In German).
14. Perov Y.V. *Istorichnost' i istoricheskaya real'nost'* [Historicity and Historical Reality]. St. Petersburg, Publishing House of Saint-Petersburg Philosophical Society, 2000, 272 p. (In Russian).
15. Jaeggi R. *Kritik von Lebensformen*. Berlin, Suhrkamp Publ., 2014, 451 p. (In German).
16. Pisarev A., Astakhov S., Gavrilenko S. Aktorno-setevaya teoriya: nezavershennaya sborka [Actor-network theory: an unfinished assemblage]. *Filosofsko-literaturnyy zhurnal Logos – Philosophical and Literary Journal Logos*, 2017, no. 1 (116), pp. 1-40. (In Russian)
17. Bakhurst D. Social memory in Soviet thought. In: Middleton D., Edwards D. (eds.). *Collective Remembering*. London, SAGE Publications, 1990, p. 203-227.
18. Ilenkov E.V. *Ob esteticheskoy prirode fantazii* [About the Aesthetic Nature of Fantasy]. Moscow, Book House “Librokom”, 2014, 128 p. (In Russian).
19. Nurkova V.V. *Svershennoe prodolzhaetsya: Psikhologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti* [The Accomplished Continues: Psychology of Autobiographical Memory of Personality]. Moscow, University RAS Publ., 2000, 315 p. (In Russian).
20. Nurkova V.V. *Zerkalo s pamyat'yu. Kul'turnyy fenomen fotografii* [Mirror with a Memory. The Cultural Phenomenon of Photography]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2006, 287 p. (In Russian).

ACKNOWLEDGEMENTS: The research is fulfilled under the financial support of Russian Science Foundation (project № 17-78-20149).

Received 12 March 2018

Reviewed 12 April 2018

Accepted for press 16 May 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Golovashina Oksana Vladimirovna, Candidate of History, Associate Professor of Philosophy and Science Methodology Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Linchenko Andrey Aleksandrovich, Candidate of Philosophy, Scientific Worker of Informatics, Mathematics and General Humanities Department. Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk Branch), Lipetsk, Russian Federation; Associate Professor of Philosophy Department. Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation. E-mail: linchenko1@mail.ru

Anikin Daniil Aleksandrovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Theoretical and Social Philosophy Department. Saratov State University, Saratov, Russian Federation. E-mail: dandee@list.ru

For correspondence: Golovashina O.V., e-mail: ovgolovashina@mail.ru

For citation

Golovashina O.V., Linchenko A.A., Anikin D.A. Dinamika kul'turnoy pamyati kak predmet issledovaniya: podkhody i resheniya [Culture memory dynamics as a research subject: approaches and solutions]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 174, pp. 191-202. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-191-202. (In Russian, Abstr. in Engl.).